Arabian Journal of Science

ISSN:2308-5703

Impact factor:13.5 *International Multidisciplinary Online Journal* October, 2026

ПЕРЕНОСНЫЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕЛОВЕКА: РУССКО-УЗБЕКСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Саитова Хамро Абдуллаевна

Doi: https://doi.org/10.5281/zenodo.23768276

Аннотация. Исследуются переносные названия животных и птиц, обозначающие свойства человека в русском и узбекском языках. Сопоставлены словарные значения, устойчивые сочетания и атрибутированные литературные употребления. Различены расхождение характеризуемых качеств, неполное совпадение многозначности и различие речевых регистров. Установлено, что контраст баран — qo‘chqor не воспроизводится в ряду овца — qo‘y kabi yuvosh, а оценочная неоднородность to‘ti связана с разными переносными значениями. На материале соловей — bulbul показана возможность поэтического соответствия, которое не обнаруживается при сравнении одних словарных дефиниций. Предложена трёхуровневая типология семантических соответствий.

Ключевые слова: зооморфизм; переносное значение; русский язык; узбекский язык; лексическая семантика; оценка; художественный контекст.

Введение

Название животного, перенесённое на человека, обозначает не весь комплекс представлений о животном, а избранное качество личности. Русские *баран*, *овца* и *овечка* принадлежат одному предметному кругу, однако в характеристике человека распределяются между упрямством, робостью и безответностью. Уже внутри одного языка образная близость не обеспечивает смыслового тождества. Поэтому русско-узбекское сопоставление требует устанавливать не «национальное значение животного», а конкретный признак, который становится основанием именования [1; 2].

В исследованиях межкультурной метафоры различаются общая модель переноса и её частные языковые реализации. Совпадение области-источника не исключает расхождения в выборе человеческих качеств; сходная характеристика, напротив, может выражаться неодинаковыми образами [3]. Для выбранного материала особенно существенно промежуточное положение: одинаковые зоонимы имеют общий переносный вариант, но расходятся в других значениях либо в условиях употребления. Такое отношение нельзя описать одной пометой «положительное» или «отрицательное».

Цель исследования — установить, на каком уровне возникают русско-узбекские расхождения в зооморфной характеристике человека: в составе значения, в системе многозначности или в речевой организации образа. Исследовательский вопрос состоит в следующем: сохраняется ли первоначально обнаруженный контраст после сопоставления близких конструкций и литературных функций? Ответ позволяет отделить собственно межъязыковое различие от результата неравноценного отбора примеров.

Материалы и методы

Основной материал составили русские и узбекские словарные статьи, перечисленные в таблице 1. Русская часть представлена Большим толковым словарём под редакцией С. А. Кузнецова и Малым академическим словарём под редакцией А. П. Евгеньевой; узбекская — электронным толковым словарём Izoh.uz. Литературная проверка проведена по главе «To‘y, qizlar majlisi»

романа А. Кадыри *O‘tkan kunlar*, стихотворению А. С. Пушкина «О дева-роза, я в оковах…» и атрибутированным примерам внутри словарных статей. Прямое обозначение животного, личные имена и случаи без установленного человеческого референта исключались.

Единицей анализа принято отдельное переносное значение либо целое образное сочетание. Компонентный анализ выделяет характеризуемое качество; контекстуальный анализ определяет, кто характеризуется и кому принадлежит оценка; конструкционный анализ различает номинацию, обращение и сравнение. Сначала сопоставлялись названия с общей предметной основой, затем проверялись функционально близкие выражения. Оценка выводилась из дефиниции и речевого окружения, а не из предполагаемых свойств животного. Повтор одного литературного фрагмента в словаре и тексте произведения не учитывался как новое свидетельство.

Материал отобран целенаправленно для качественного анализа. Табличная строка обозначает сопоставительный случай, а не независимое наблюдение для статистического подсчёта. Узбекские формы приведены в латинице; русские пояснения и варианты передачи, не отмеченные как цитаты, принадлежат автору. Словарные иллюстрации используются с той атрибуцией, которую даёт источник, без приписывания им непроверенных страниц печатного издания.

Результаты

Состав признака: совпадение образа не равно совпадению характеристики

Сопоставление обнаружило неоднородность даже у внешне простых переводных пар. В таблице 1 раздельно представлены человеческие признаки каждой единицы. Это позволяет различить случаи, где изменяется содержание оценки, и случаи, где сохраняется основной признак, но расходятся дополнительные компоненты.

Таблица 1. Лексические и конструкционные соответствия зооморфных характеристик

Русская единица	**Узбекская единица**	**Характеризуемые качества**	**Результат сопоставления**
баран	*qo‘chqor*, значение 2	Непонимание, упрямство / сила, смелость	Разные качества и разная оценочная направленность [1; 4].
овца; овечка	*qo‘y kabi yuvosh*	Робость, безответность / кротость, безобидность	Близкая область поведения; номинация и сравнение не тождественны [2; 5].
попугай	*to‘ti*, значение 3	Несамостоятельное воспроизведение чужой речи	Совпадение одного переносного варианта [6; 7].
лиса	*tulki*, значение 3	Хитрость, льстивость / крайняя хитрость, коварство	Общее качество при различии уточняющих компонентов [8; 9].

Русская единица	Узбекская единица	Характеризуемые качества	Результат сопоставления
осёл	*eshak*, значение 2	Глупость, упрямство / непонятливость, отсутствие интереса	Общий интеллектуальный признак; не полное тождество дефиниций [10; 11].
лев	*sher; arslon*, значение 2	Сила, мужество / богатырская сила, храбрость	Близость героической характеристики; жанр и форма требуют проверки [12; 13; 14].
разливаться соловьём	*bulbul*, значение 2	Увлечённое красноречие / искусный оратор	Номинация сопоставлена с действием; у русского оборота помета «ирон.» [15; 16].

Сравниваются указанные значения и сочетания. Оценка отдельного употребления не переносится на зооним во всех контекстах.

У русского *баран* и узбекского *qo‘chqor* перенос направлен на разные стороны личности. В первом случае осуждается умственная ограниченность в сочетании с упрямством, во втором подчёркиваются физическая мощь и отвага. Это не антонимия: смелость не является отрицанием глупости, а упрямство — отрицанием силы. Обе характеристики могут логически относиться к одному человеку. Межъязыковое различие состоит в том, какой из признаков становится обычным содержанием конкретного переносного варианта [1; 4].

Эпическая иллюстрация *Chambilning qo‘chqori* в статье *qo‘chqor* входит в самопредставление героя дастана «Malikayi ayyor». Говорящий заявляет о своей силе; речь направлена на возвышение собственного положения. Русская замена словом *баран* сохранила бы предметное соответствие названий, но внесла бы характеристику, не выраженную в самоназвании. В данном фрагменте смысловое соответствие следует искать в ряду *богатырь, силач, удалец*. Это не устранение якобы «неправильного» животного образа, а разграничение его роли в двух языках [4].

Однако ряд с овцой не подтверждает столь же резкого противопоставления. В цитате из Кадыри, включённой в статью *yuvosh*, характеристика *qo‘y kabi yuvosh* относится к Салимсакбеку; в той же фразе ей противопоставлено определение *zolim*, отнесённое к другому персонажу. Значение кротости поддержано и прилагательным, и повествовательным противопоставлением. Русские *овца*, *овечка* также допускают описание робкого, безответного человека. Следовательно, различаются не две целиком противоположные системы образов: отрицательное *баран* и кроткое *овечка* уже разводят значения внутри русского ряда [2; 5].

Сочетание *qo‘y kabi yuvosh* сообщает о поведении человека с прямо названным основанием сравнения. В нём невозможно игнорировать *yuvosh* и приписать всё содержание существительному *qo‘y*. Русское *стадо баранов*, напротив, обозначает коллективное следование чужой воле, тогда как *овечка* может характеризовать отдельного безответного человека. Число

и синтаксическое окружение здесь меняют не только форму высказывания, но и предмет оценки: индивидуальную уступчивость нельзя отождествлять с несамостоятельностью группы [1; 2; 5].

Многозначность: общее речевое значение и особое портретное употребление

У пары *попугай — to‘ti* обнаружено частичное пересечение переносных значений. Русский словарь выделяет человека, воспроизводящего чужую мысль вместо собственного суждения. В узбекском источнике соответствующий вариант помещён отдельно от обозначения красивой женщины. Поэтому два сопоставления — русского подражателя с узбекским подражателем и русского подражателя с узбекским женским портретом — дают разные результаты. Второе расхождение не отменяет первого совпадения [6; 7].

Русская словарная иллюстрация из письма Пушкина Плетнёву от 7 января 1831 года строится на противопоставлении: один участник литературной жизни знает своё дело, остальные названы попугаями. Основание образа здесь — отсутствие самостоятельной позиции. В главе Кадыри о девичьем собрании *to‘tilar* включено в ряд эстетических наименований, а следующие предложения описывают наряды и красоту участниц. Предметом наблюдения оказывается внешний облик, а не повторение чужих слов. Различие чтений подтверждается ближайшим окружением, а не предположением о противоположной оценке птицы у двух народов [6; 17].

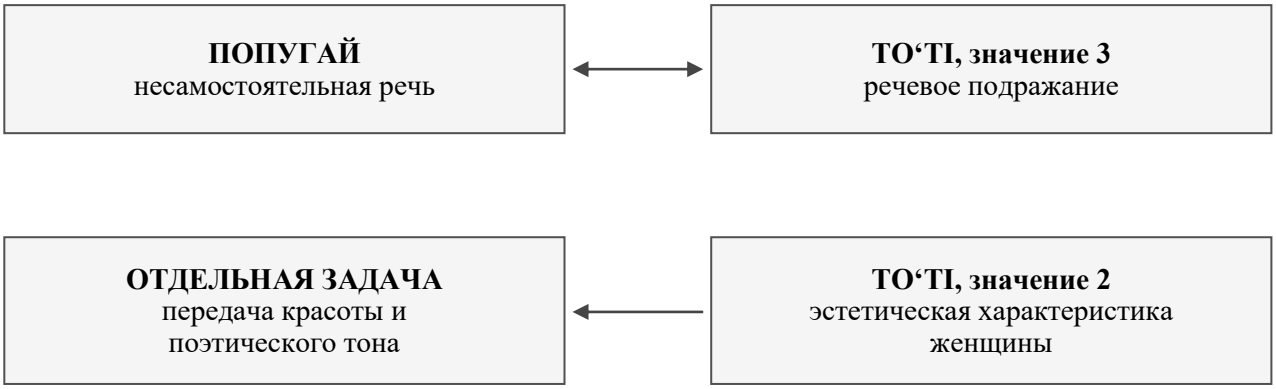

Рисунок 1. Частичное пересечение переносных значений «попугай — to‘ti»

Общее соответствие относится к речевому варианту; нижний ряд показывает иной предмет характеристики. Составлено по [6; 7; 17].

При положительном *to‘ti* нельзя автоматически переводить всё сочетание словом *нежная*: дефиниция устанавливает эстетическую характеристику женщины, но не доказывает кротость её нрава. Аналогично в русском *попугай* повторение значимо не само по себе. Точное цитирование чужого текста не делает говорящего подражателем в оценочном смысле; упрёк возникает тогда, когда чужая речь занимает место собственного высказывания. В обоих случаях семантическая точность требует назвать именно оцениваемое качество [6; 7].

Речевая функция: похвала, ирония и поэтическое уподобление

Пары *лиса — tulki* и *осёл — eshak* сближаются по центральному признаку, но не по всем элементам дефиниции. В первом ряду совпадает хитрость; русская статья уточняет её через льстивость, узбекская — через выраженную изворотливость и коварство. Во втором ряду общим является недостаток понимания, тогда как упрямство непосредственно названо в русском источнике, но не составляет формулировку второго узбекского значения. Наблюдаемое

соответствие следует признавать частичным, не дополняя один словарь компонентами другого [8; 9; 10; 11].

Литературные иллюстрации показывают, как общий признак получает конкретную направленность. В «Нови» Тургенева оценка *осёл* сопровождается словом *тупица*: контекст выбирает интеллектуальный упрёк. В примере из «Sarob» Каххара люди, названные *tulkilar*, обманывают другого человека; существительное получает опору в описанном действии. Оценка определяется не авторитетом исследователя, а соотношением имени и предиката внутри высказывания [9; 10].

У *лев — sher / arslon* словари сходятся в силе и храбрости, однако употребление *sher* не обязано быть описанием участия в бою. В словарной цитате из Кадыри *Balli, sher* выступает одобрительным обращением, после которого следует вопрос о передаче письма. Речевая задача — поддержать и похвалить адресата. Русское *молодец* может передавать эту функцию без зоонима, тогда как в развёрнутом героическом портрете сохранение *льва* мотивировано иначе. Соответствие качества не снимает различия между номинацией и обращением [12; 13; 14].

Более существенное уточнение даёт *соловей — bulbul*. В узбекской статье раздельно обозначены певческое или ораторское мастерство и влюблённый человек. Русское *разливаться соловьём* имеет ироническую словарную помету; его значение не равно безоговорочной похвале искусному оратору. Вместе с тем в стихотворении Пушкина «О дева-роза, я в оковах…» лирический субъект уподоблен соловью, обращённому к возлюбленной. Поэтическая любовная функция, следовательно, представлена и в русском материале, хотя выражена сравнением, а не отдельной дефиницией существительного [15; 16; 18].

Такой результат меняет характер выводимого различия. Оно проходит не между «русской речью» и «узбекской любовью», а между словарным вариантом, фразеологизмом и поэтической конструкцией. Русский художественный пример позволяет обнаружить сходную функцию на другом уровне языковой организации. Установление этого соответствия не предполагает, что Пушкин переводит приведённую в узбекском словаре песню: сопоставляются независимые реализации образа, а не оригинал и его перевод [16; 18].

Таблица 2. Контекстные признаки, уточняющие значение зооморфизма

Употребление и источник	**Наблюдаемый признак контекста**	**Какой вывод следует из контекста**
qo‘y kabi yuvosh; А. Кадыри, иллюстрация к *yuvosh* [5]	Качество выражено прилагательным и включено в противопоставление характеристик двух людей.	Уподобление передаёт кротость; значение не извлекается из одного названия животного.
попугаи; письмо Пушкина Плетнёву [6]	Противопоставлены самостоятельность одного человека и повторение чужого остальными.	Выбран интеллектуально-речевой, а не портретный признак.

Употребление и источник	**Наблюдаемый признак контекста**	**Какой вывод следует из контекста**
to‘tilar; А. Кадыри, девичье собрание [17]	Человеческий референт назван; далее описаны красота и праздничный наряд.	Реализуется эстетический перенос, а не осуждение речевого поведения.
Balli, sher; А. Кадыри, иллюстрация к *sher* [13]	Форма обращения соединена с одобрением и вопросом к адресату.	Героический образ используется как речевая похвала.
соловей; Пушкин, «О дева-роза…» [18]	Сравнение раскрывает отношение лирического «я» к возлюбленной.	Подтверждена любовная поэтическая функция; отдельное словарное значение не предполагается.
musichadek beozor kishi; иллюстрация «Guldasta» [19]	Говорящий представляет самого себя безобидным человеком.	Засвидетельствована самохарактеристика; истинность качества персонажа из реплики не выводится.

Дополнительные контексты подтверждают необходимость учитывать форму образа. В статье *lochin* качество юноши раскрывается через подвижность и неутомимость; его нельзя сводить к одной физической силе. В *musichadek beozor* безобидность названа прилагательным, а суффикс *-dek* маркирует сравнение. Эти две узбекские характеристики относятся соответственно к активности и мягкости поведения; их объединение в общую положительную оценку стирало бы самое существенное различие [19; 20].

То же ограничение действует при осуждении. Узбекское *bo‘ri* имеет переносную характеристику жестокого человека. Русская статья *волк* содержит, в частности, обороты *морской волк* и *волк в овечьей шкуре*: первый связан с опытом моряка, второй — с лицемерным сокрытием намерений. Нельзя переносить эти признаки на узбекскую номинацию только из-за общего животного образа. И наоборот, узбекская словарная жестокость не описывает любое русское сочетание с *волк*. Для одного образного семейства доступны разные отношения соответствия [21; 22].

Рисунок 2. Уровни русско-узбекского семантического соответствия

Авторское обобщение результатов; уровни не образуют шкалу «хуже — лучше» и могут сочетаться в одной паре.

Обсуждение

Результаты позволяют уточнить понятие оценочной асимметрии. Изменение знака оценки — только один из возможных случаев. В ряду *баран — qo‘chqor* прежде меняется само качество; в ряду *попугай — to‘ti* не совпадает набор переносных вариантов; в ряду *соловей — bulbul* существенны литературная функция и речевая форма. Сведение всех трёх случаев к положительной или отрицательной «символике» подменяло бы разные семантические отношения одним неразличающим признаком.

Не менее важен обратный результат: первоначально заметное расхождение может уменьшаться при расширении контекстного сравнения. Русская *овечка* сближает овечий образ с безответностью, а пушкинское уподобление соловью вводит любовную функцию. Поэтому обнаруженное отсутствие соответствия в одной словарной паре ещё не означает отсутствия нужного смысла в языке. Перенос может быть закреплён в отдельной лексеме одного языка и выражен сочетанием или художественным уподоблением другого. Это согласуется с разграничением концептуальной общности и её языкового выражения [23].

Для двуязычного описания продуктивна статья, организованная по отдельным человеческим признакам. У *to‘ti* речевой и эстетический варианты требуют разных зон толкования; у *bulbul* нужно разводить мастерство речи и любовную роль; у *sher* — номинацию качества и похвальное обращение. Перевод оказывается следствием такого описания. Замена образа допустима не потому, что он «чужой», а потому, что буквальный эквивалент в выбранной конструкции может изменить предмет характеристики, регистр или отношение говорящего.

Установленные связи относятся к выбранным дефинициям и текстам. Материал даёт основания описывать содержание переносов, но не выводить частотное преобладание оценок и не объяснять их происхождение особенностями национального характера. Историческое объяснение потребовало бы датированного ряда употреблений; проверка читательского восприятия — отдельного эксперимента. В настоящем исследовании доказательная сила заключена в согласованности конкретной дефиниции, формы выражения и наблюдаемого литературного окружения.

Заключение

Русско-узбекские зооморфные характеристики соотносятся на трёх уровнях: избираемого человеческого качества, структуры многозначности и речевой реализации. Расхождение *баран — qo‘chqor* относится к первому уровню; частичное совпадение *попугай — to‘ti* — ко второму; соотношение *соловей — bulbul* — прежде всего к третьему. Общность животного названия не предрешает результат ни на одном из них.

Для точного сопоставления необходимо сохранять человеческий референт и отделять номинацию от сравнения и обращения. Литературные контексты не только иллюстрируют дефиниции, но и корректируют выводы, полученные при изолированном сравнении слов. Именно переход от названия животного к конкретному высказыванию о человеке позволяет описать одновременно общие семантические мотивы и действительные межъязыковые различия.

Список литературы и источников

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Электронная статья «баран». URL: https://gramota.ru/poisk?query=баран&mode=slovari
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Электронная статья «овца». URL: https://gramota.ru/meta/ovtsa
3. Kövecses Z. Cross-Cultural Variation // Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 67–87. DOI: 10.1017/CBO9780511614408.006. URL: https://doi.org/10.1017/CBO9780511614408.006
4. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «qo‘chqor». URL: https://izoh.uz/word/qo‘chqor
5. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «yuvosh». URL: https://izoh.uz/word/yuvosh
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Электронное воспроизведение статьи «попугай». URL: https://gufo.me/dict/mas/попугай
7. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «to‘ti». URL: https://izoh.uz/word/to‘ti
8. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Электронное воспроизведение статьи «лиса». URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/л/лиса
9. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «tulki». URL: https://izoh.uz/word/tulki
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Электронное воспроизведение статьи «осёл». URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/о/осёл
11. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «eshak». URL: https://izoh.uz/word/eshak
12. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Электронная статья «лев». URL: https://gramota.ru/poisk?mode=slovari&query=льв
13. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «sher». URL: https://izoh.uz/word/sher
14. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «arslon». URL: https://izoh.uz/word/arslon

15. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Электронная статья «соловей». URL: https://gramota.ru/poisk?query=соловей&mode=slovari
16. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «bulbul». URL: https://izoh.uz/word/bulbul
17. Qodiriy A. O‘tkan kunlar. Глава «To‘y, qizlar majlisi». Электронный текст романа. URL: https://tafakkur.net/otkan-kunlar/toy-qizlar-majlisi.uzb
18. Пушкин А. С. «О дева-роза, я в оковах…» (1824). Электронный текст по изданию РВБ. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/О_дева-роза,_я_в_оковах_(Пушкин)
19. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «musicha». URL: https://izoh.uz/word/musicha
20. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «lochin». URL: https://izoh.uz/word/lochin
21. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «bo‘ri». URL: https://izoh.uz/word/bo‘ri
22. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Электронное воспроизведение статьи «волк». URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/в/волк
23. Kövecses Z. Conceptual Metaphors and Their Linguistic Expression in Different Languages // Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 131–162. DOI: 10.1017/CBO9780511614408.009. URL: https://doi.org/10.1017/CBO9780511614408.009
24. Дата обращения к электронным источникам: 03.10.2026.